

...Те, кого удивило появление в афише академического оперного театра мюзикла «Человек из Ламанчи», наверное, с интересом узнают, что постановки опереточных спектаклей — давняя традиция театра «Эстония».

«Человек из Ламанчи» за последние годы обошел сцены многих театров мира (в нашей стране он поставлен в Риге, Каунасе, Одессе, Львове и совсем недавно — в Москве). По жанру это скорее всего драматический спектакль с музыкальными «вкраплениями». Музыка Митча Ли нельзя отказать в мелодичности, но она довольно-таки стандартна, к тому же ее маловато для того, чтобы можно было говорить о сквозной музыкальной драматургии. В спектакле лишь один по-настоящему поющий актер, но поскольку им является Г. Отс, то, конечно, его искусство скрашивает и непомерную затянутость действия (первый акт мюзикла — чисто «вагнеровских» пропорций: он длится полтора часа), и подчас бедность самого драматургического материала.

Поистине поразительным даром перевоплощения обладает Георг Отс! Я говорю в данном случае не только о той удивительной галерее образов в целом, которую создал артист в дни гастролей театра «Эстония» (Кола Брюньон, Джанни Скикки, и вот теперь — Сервантес и Дон-Кихот), но и о том, как пре-

ображался артист в Рыцаря Печального Образа здесь же, прямо на сцене: ведь по форме «Человек из Ламанчи» представляет собой «пьесу в пьесе». Сервантес, помещенный инквизицией в тюрьму, где содержатся воры, убийцы и проститутки, разыгрывает перед заключенными и с их помощью пьесу из жизни героя своего произведения — Дон-Кихота Ламанчского. Мы видим, как Отс приклеивает бородку и усы, надевает на себя латы, берет в руки копьё... А дальше вступает в свои права магия Большого Искусства. И пусть это Дон-Кихот все же не Сервантеса (пьеса Д. Вассермана, стихи Д. Дариена), в мюзикле «Человек из Ламанчи» романтическая сердцевина образа проступает с необычайной силой.

Лучший эпизод спектакля — сцена смерти Дон-Кихота в финале второго действия (оно вообще получилось гораздо более динамичным, цельным и впечатляющим). Отс играет ее необычайно проникновенно и — не побоюсь этого слова применительно к мюзиклу — возвышенно-просветленно.

Актерский ансамбль в «Человеке из Ламанчи» вновь был на самом высоком художественном уровне — обилие точно выписанных типажей, мастерски подмеченных и раскрытых характеров! Надолго запомнятся зрителям исполнительница роли Альдонсы-Дульциней Катрин Карисма, динамичная и очень тонкая артистка, великолепный комедийный актер Эндель Пярн (Санчо Панса); Э. Кярвет, которого мы видели в «Кола Брюньоне» в образе угодливого прислужника герцога, мстительного Жифляра, теперь предстал в ролях Главара заключенных и Трактирщика, посвящающего Дон-Кихота в рыцари⁴.

В заключение — самые общие впечатления от спектакля, в свое время уже освещавшегося на страницах журнала. Речь идет об опере Э. Тубина «Барбара фон Тизенхузен», написанной по новелле Айно Каллас, в основе которой — трагическая судьба девушки из знатного рода, поставившей свое чувство к «простому человеку» выше жестоких феодальных обычаев и сословных предрассудков.

Мне приходилось слушать запись, сделанную на генеральной репетиции оперы три года назад, потом я видел ее в Таллине, и произведение оставило глубокий след в памяти. К сожалению, не могу сейчас утверждать, что московский спектакль меня по-настоящему захватил, хотя исполнители ведущих партий — Маарья Хаамер (Барбара), Калью Караск (ее возлюбленный, писарь Бонниус), Тео Майсте (пастор Фризнер, своего рода двойник шекспировского патера Лоренцо из «Ромео и Джульетты») — пели великолепно.

Сам спектакль все же показался несколько «размагниченным», утратившим свой быллой нерв. Это, может быть, казалось отчасти в силу того, что вращающаяся сцена театра «Эстония» в Таллине позволяет поддерживать непрерывный высокий сценический темп, тогда как паузы на смену декораций между картинами в Московском театре оперетты (их девять, по три в каждом акте), конечно, разрушают впечатление непрерывности драматического развития, непрерывности очень важной в такой монотематической по своей музыкальной структуре опере.

Театром с богатыми исполнительскими традициями можно с полным основанием назвать театр «Эстония». Тысячи москвичей, посетивших спектакли наших эстонских друзей, испытывали трепетное чувство соприкосновения с глубоким, вдумчивым и серьезным вокально-сценическим мастерством. Это театр больших исполнительских возможностей, в котором славные традиции живут и развиваются, обогащаясь.

В. ТИМОХИН

Фото А. Шибанова

⁴ Кстати, эти три контрастных образа, созданных артистом, — еще одно свидетельство того, что художественный универсализм актеров является одним из основополагающих принципов работы в театре «Эстония».

«Театр „Эстония“
в Москве»

На оперное сцени-
таблицах

Музыкальная
журнал 1972/19